

Пауло Коэльо

Манускрипт, найденный в Акко

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5957073

Коэльо, Пауло Манускрипт, найденный в Акко: АСТ; Москва; 2013

ISBN 978-5-17-077619-1

Оригинал: Paulo Coelho, "El Manuscrito encontrado en Accra"

Перевод:

Александр Богдановский

Аннотация

14 июля 1099 года. Иерусалим замер в ожидании штурма крестоносцев. Жители города всех возрастов и разного вероисповедания пришли на площадь послушать загадочного старца Копта. Собравшиеся задают ему вопросы о своих тревогах, о врагах и битве. Сегодня, спустя столетия, ответы мудреца все так же верны, ведь он говорил о ценностях, над которыми время не властно. То, кем мы являемся, то, чего боимся и на что надеемся, основывается на нашем внутреннем знании и вере – и не зависит от внешних обстоятельств.

Содержание

Слово вступительное и приветственное
Конец ознакомительного фрагмента.

6
29

Пауло Коэльо

Манускрипт, найденный в Акко

*О Мария, без греха зачавшая, молись за нас,
которые ищут у Тебя пристанища своего.
Аминь.*

Н. С. Р. М. с благодарностью за чудо.

*Дщери иерусалимские! не плачьте обо Мне,
но плачьте о себе и о детях ваших.
Лука 23:28*

Издание осуществлено с разрешения Sant Jordi Associados,
Agencia Literaria S.L.U, Barcelona, SPAIN

Originally published as El Manuscrito encontrado en Accra
by Paulo Coelho
www.paulocoelho.com

Все права охраняются, включая право на полное или ча-
стичное воспроизведение в какой бы то ни было форме.

Copyright © 2012 by Paulo Coelho

© Перевод, А. Богдановский

© ООО «Издательство АСТ»

Слово вступительное и приветственное

В декабре 1945 года двое братьев в поисках места для привала обнаружили в долине Хамра Дом (Верхний Египет) пещеру, а в ней – глиняный кувшин, набитый папирусными свитками. Вопреки требованиям закона, братья не уведомили о находке местные власти и даже решили по частям распродавать ее на рынке древностей. Мать же этих юношей, опасаясь воздействия исходящей от свитков «негативной энергии», несколько папирусов сожгла.

Через год по причинам, оставшимся неизвестными, братья рассорились. Мать приписала это действию все той же «негативной энергии» и поспешила передать манускрипты священнику, и тот продал один в каирский Коптский музей. Так папирусы получили название, под которым известны и ныне – «Манускрипты из Наг Хаммади» (по названию города, расположенного ближе всего к пещере, где они были обнаружены). Один из сотрудников музея, историк-религиовед Жан Доресс, оценивший значение находки, впервые упомянул о ней в своей статье в 1948 году.

Прочие манускрипты время от времени всплывали на черном рынке. Однако вскоре египетское правительство осознало важность открытия и попыталось воспрепятствовать

вывозу свитков из страны. Сразу после революции 1952 года большая их часть была передана в каирский Коптский музей и объявлена национальным достоянием. Из блокады удалось выбраться лишь одному папирусу, который «всплыл» в антикварном салоне в Бельгии. После нескольких безуспешных попыток продать его в Нью-Йорке и Париже, в 1953 году манускрипт приобрел Институт Карла Густава Юнга. А по смерти знаменитого психоаналитика папирус, отныне называемый «Кодекс Юнга», вернулся в Каир, где собрано уже более тысячи страниц – и фрагментов страниц – «Манускриптов из Наг Хаммади».

Найденные в пещере пергаменты оказались греческими переводами, созданными в промежутке от конца I века до 180 года, и представляют собой корпус текстов, известных также как «апокрифические евангелия» – то есть те, что не вошли в состав Священного Писания, каким мы знаем его ныне.

По какой причине?

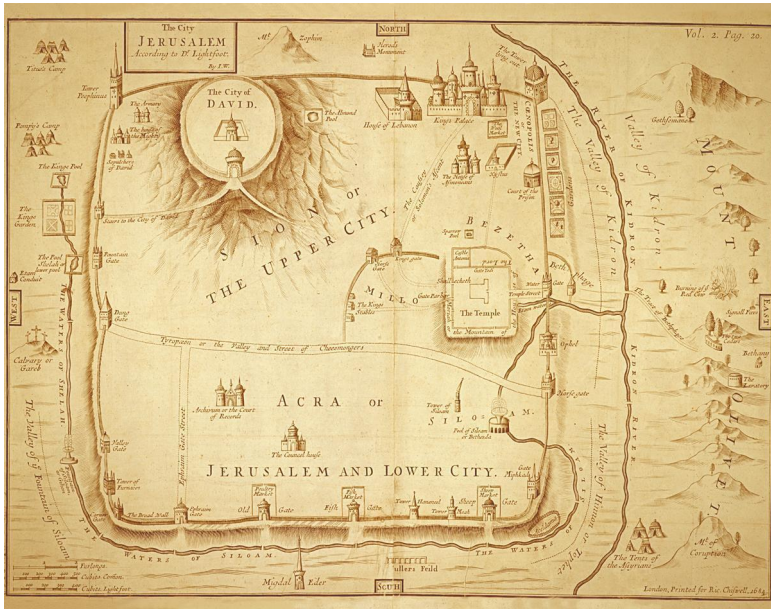
В 170 году был собран совет епископов, призванный определить, какие именно тексты должны войти в Новый Завет. Критерий отбора был прост – включить надлежало все то, что могло противостоять еретическим верованиям и расколу. Были отобраны четыре известных нам евангелия, послания и все, что так или иначе, что называется, соответствовало представлениям епископов об основных догматах

христианства. Сообщение о совете епископов и перечень допущенных книг содержатся в «Мураториевом каноне» {Список канонических евангелий был обнаружен в Амброзианской библиотеке историком Лудовико Антонио Муратори и впервые опубликован в 1740 году. *Прим. перев.* }. Все прочее, подобно манускриптам из Наг Хаммади, исключили, так как одни тексты были написаны от лица женщин (как «Евангелие от Марии Магдалины»), другие же содержали указания на то, что Иисус знал о своей божественной миссии, а это делало Страсти Христовы менее горестными и мучительными.

В 1974 году британский археолог сэр Уолтер Уилкинсон обнаружил возле Наг Хаммади еще один манускрипт, на этот раз – на трех языках: арабском, древнееврейском и латинском. Зная правила, касающиеся находок в этом краю, англичанин отправил рукопись в отдел древностей Каирского музея. И вскоре получил ответ: по всему миру циркулирует не менее 155 копий этого документа (три из них принадлежат музею), причем все они практически друг от друга неотличимы. Радиоуглеродный анализ позволил установить, что текст был создан относительно недавно – вероятнее всего, в 1307 году. Не составило труда и проследить происхождение манускрипта из города Акко, расположенного за пределами Египта. Таким образом, никаких препятствий к его вывозу из страны не возникло, и сэр Уилкинсон, получив официальное разрешение (Исх. № 1901/317 IFP-75) от 23 ноября 1974 года, отправил папирус в Англию.

Я познакомился с сыном сэра Уилкинсона в Рождество 1982 года в городе Портмадог (Уэльс, Соединенное Королевство). Отчетливо помню, что он упоминал о манускрипте, найденном его отцом, но тогда никто из нас не придавал этому особого значения. На протяжении всех этих лет мы поддерживали дружеские отношения, и мне посчастливилось еще по крайней мере дважды увидеться с Уилкинсоном-младшим, когда я приезжал в Великобританию в рамках рекламной кампании по продвижению моих книг.

30 ноября 2011 года я получил от него копию текста, о котором шла речь при нашей первой встрече. Этот текст и приводится ниже.

Мне бы очень хотелось начать эти строки следующим образом:

«Теперь, достигая предела дней своих, оставляю тем, кто будет жить после меня, все, что познал, покуда бродил по лицу земли. Да пригодится им это».

Но, увы, это будет неправдой. Мне всего 21 год, у меня есть родители, любившие и учившие меня, есть жена, любящая и любимая, – но жизнь озабочится тем, чтобы завтра разлучить нас, и тогда каждый должен будет отправиться на

поиски своего пути, своей судьбы, и свою смерть каждый встретит в одиночку.

Для нашей семьи сегодня 14 июля 1099 года. Для семьи Иакова – это мой друг детства, с которым мы играли на улицах этого города, называющегося Иерусалим – 4859 год: Иаков любит твердить, что его иудейская вера древней, чем моя. Для достопочтенного Ибн-аль-Атхира, жизнь свою положившего на то, чтобы записать историю, которая ныне близится к концу, истекает год 492-й. Мы по-разному ведем летоисчисление, по-разному славим Всевышнего, но во всем прочем уживаемся прекрасно.

Неделю назад наши военачальники сошлись на совет: подступившие под стены города франки бесконечно многочисленней и лучше вооружены. И каждому жителю предоставлен был выбор: покинуть город или драться с врагом не на жизнь, а на смерть – да, на смерть, ибо с уверенностью можно предречь, что нас ждет поражение. Большинство горожан предпочли остаться.

Ныне мусульмане сошлись у мечети Аль-Акса, иудейские воины предпочли избрать местом сбора Михраб Дауд, христианам же, распыленным по разным кварталам, поручили оборонять город с юга.

Со стен уже видны осадные башни, построенные из разобранных на части неприятельских кораблей. Судя по передвижениям войск, завтра утром начнется штурм – и прольется кровь во имя римского папы, ради Гроба Господнего и «во

исполнение божьей воли».

Сегодня днем, в том самом дворе, где тысячу лет назад римский правитель Понтий Пилат, повинуясь желанию большинства, предал Иисуса на крестные муки, толпа мужчин и женщин всех возрастов пришла на встречу с неким греком, которого все здесь знают под именем Копт.

Это странный человек. Еще отроком он покинул родные Афины, пустившись на поиски богатства и приключений. И в конце концов, полумертвый от голода, постучался в ворота Иерусалима, был гостеприимно принят и по прошествии известного времени отказался от намерения продолжать странствия, решив обосноваться у нас.

Он нашел себе работу у обувщика и – так же как Ибн-аль-Атхир – принялся заносить на бумагу для будущих поколений все, что видел и слышал. Он не совершал обрядов, не соблюдал таинств ни одной из религий, и никто не пытался обратить его в свою веру. Для Копта все мы пребываем не в 1099 году, не в 4859-м и уж подавно не в 492-м. И верит Копт лишь в настоящую минуту и в того, кого называет Мойрой – в никому не ведомое божество, в Божественную Энергию, ответственную за один-единственный закон, преступить который нельзя, иначе мир погибнет.

Рядом с Коптом стояли главы всех трех церквей, существующих в Иерусалиме. И покуда длился разговор, никто из отцов города так и не появился: все они были заняты последними приготовлениями к обороне – к сопротивлению,

которое все мы считали бесполезным.

«Много столетий назад, – начал грек, – на этой площади был оглашен смертный приговор одному человеку. Следуя к месту казни вон по той улице справа отсюда, он миновал нескольких женщин. И увидев, что они плачут, сказал им так: «Не плачьте обо мне, но плачьте по Иерусалиму». Он предрек то, что происходит сейчас. Уже завтра согласие обернется раздором, а радость оденется в траур. Мир уступит место войне, которая протянется в будущее столь отдаленное, что нам не придется даже мечтать о ее окончании».

Все молчали, потому что никто в точности не знал, что же происходит. И не придется ли нам выслушать еще одну проповедь о захватчиках, именующих себя крестоносцами.

И Копт наслаждался нашим недоумением. И после долгого молчания решил все же объяснить:

– Да, они в силах разрушить город, но не могут уничтожить все то, чему он нас научил. И потому нужно сделать так, чтобы это знание не разделило участь крепостных стен, домов и улиц. Но что есть знание?

Поскольку никто не ответил, он продолжал:

– Нет, это не полная правда о жизни и смерти, но нечто такое, что позволяет нам жить и принимать вызовы, перед которыми день за днем ставит нас повседневность. И это не книжная мудрость, годная для того лишь, чтобы подпитывать никчемные споры о минувшем ли, о грядущем, но зна-

ние, живущее в душах мужчин и женщин, исполненных доброй воли.

И дальше Копт сказал так:

– Я – книжник и, хотя могу почесть себя всезнающим, ибо все эти годы собирал и изучал древности, записывал события, спорил о политике, я не знаю точно, что сказать вам сейчас. Но в такую минуту я взываю к Божественной Энергии с мольбой очистить мою душу. Спрашивайте – я буду отвечать вам. Так поступали древние греки: ученики спрашивали учителя о вещах, которые прежде не приходили ему в голову, а он, размышляя вслух, пытался подыскать ответ.

– И что толку нам в твоих ответах? – спросил кто-то из толпы.

– Одни запишут суть сказанного мною. Другие запомнят только слова. Важно то, что нынче вечером вы разойдетесь на четыре стороны света и понесете дальше услышанное здесь. И тогда душа Иерусалима останется цела и сохранна. И наступит день, когда мы восстановим его – не просто город, один из многих других, но место, куда вновь стечется мудрость и где вновь восторжествует мир.

– Все мы знаем, что ждет нас завтра, – возразили ему. – Не лучше ли обсудить сообща, как добиться перемирия, или идти готовиться к бою?

Копт оглядел стоявших рядом первосвященников, а затем повернулся к толпе.

– Никому не ведомо, что готовит нам завтра, ибо каждо-

му дню хватает его собственного блага или зла. А потому спрашивайте о том, что хотите знать, спрашивайте, позабыв о врагах по ту сторону наших стен и о страхе, царящем по эту. Не стоит заботиться о том, чтобы передать наследующим землю записи о нынешних событиях, – это дело истории. Поговорим же о повседневном и обыденном и о трудностях, с которыми нам предстоит столкнуться. Только это важно для будущего, ибо я не думаю, что в ближайшую тысячу лет что-нибудь сильно изменится.

Тут подал голос мой сосед Иаков:

– Расскажи нам о поражении.

Чувствует ли древесный листок, слетая с ветки зимой, что стужа одолела его?

Дерево говорит ему: «Таков круговорот жизни. Ты думаешь, что умрешь, а на самом деле пребудешь во мне. Благодаря тебе я живо, потому что могу дышать. Благодаря тебе я чувствую, что меня любят, потому что могу укрыть под семью листьями утомленного странника. Твой сок течет в моих жилах, и мы с тобой – единое существо».

Чувствует ли человек, много лет готовившийся к восхождению на самую высокую в мире вершину, что побежден, когда видит, подойдя к подножью, что природа укрыла гору грозовыми тучами? Он говорит горе: «Ты не принимаешь меня сейчас, но погода переменится, придет день – и я смо-

гу подняться на твою вершину. А пока он не настал – жди меня».

Чувствует ли юноша, отвергнутый первой возлюбленной, что любви нет на свете? Он говорит себе: «Я непременно отыщу ту, которая способна будет понять все, что я чувствую. И буду счастлив до конца моих дней».

В круговороте природы нет ни побед, ни поражений – есть лишь движение.

Зима сражается, чтобы править самовластно, но в конце концов должна признать победу весны, которая приносит с собой цветение и веселье.

Лето, убежденное в благодатной силе тепла, готово продлить погожие дни до бесконечности. Но смиренно принимает приход осени, позволяющей земле отдохнуть.

Газель, щиплющую траву, пожирает лев. И дело тут не в том, кто сильнее – так Бог показывает нам вечную череду смерти и воскресения.

И в этом круговороте нет ни победителей, ни побежденных, а есть лишь ступени, по которым надо пройти. И когда душа человеческая осознает это, она станет свободна. И примет, не скорбя, горести с невзгодами, и не даст обольстить себя минутам торжества.

Ибо пройдут и те, и другие. Одна сменится другой. А цикл будет продолжаться, пока, освобождаясь от телесной оболочки, мы не встретимся с Божественной Энергией.

И потому, когда борец выходит на арену – по собствен-

ному ли выбору или же по прихоти непостигаемой судьбы – пусть дух его возвеселится от предстоящего боя. Пусть сохраняет он достоинство и честь, и тогда, если даже проиграет схватку, уйдет непобежденным – ибо непобежденной останется его душа.

И пусть никого не винит в случившемся с ним. Как и тот, кто полюбил впервые и был отвергнут, понимает, что отказ не умалил его способности любить. А что годно для любви, то годно и для боя.

Нас печалит, когда приходится проиграть сражение или потерять то, чем мечтали обладать. Но когда эти минуты проходят, мы открываем в себе неведомую, до поры в каждом из нас скрытую силу, вызывающую удивление и вселяющую уважение к себе самому.

Мы оглядываемся тогда и говорим себе: «Я выжил». И радуемся этим словам.

И лишь тот, кто не признает этой силы, говорит: «Я проиграл». И печалится.

А все прочие, даже если они страдают от потери и унижены теми рассказами, что распускают на их счет враги, позволяют себе пролить несколько слезинок, но никогда себя не жалеют. И знают одно: схватка была прервана, и в данную минуту преимущество – не за ними.

Они слушают, как бьется их сердце. Они отмечают, что напряжены. Чувствуют, что им страшно. Но размышляя о своей жизни, видят, что как ни силен страх, вера воспламе-

няет им душу и побуждает идти вперед.

Они всегда стараются понять, где допустили промах, а где приняли верное решение. И, повергнутые, пользуются моментом, чтобы отдохнуть, залечить раны, определить, как действовать дальше и к новой схватке оказаться во всеоружии.

Наконец встанет заря, и с ней придет черед новой схватки. Страх не отступает, но они должны действовать – иначе навсегда останутся лежать во прахе. И они встают лицом к лицу с противником, помня, через какие страдания прошли, и не желая, чтобы это повторилось.

Пережитое поражение для них – повод считать, что теперь-то они должны победить, ибо они не готовы снова испытать ту же боль.

И победа будет одержана – не в этот раз, так в следующий. Если не сейчас – то спустя какое-то время. Упасть – не стыдно, стыдно – не подняться.

Поражение терпит лишь тот, кто сдается. Все остальные победоносны.

И непременно наступит день, когда бывшие трудности станут всего лишь горделивыми рассказами для тех, кто захочет слушать. А захотят все, и выслушают в уважительном молчании, и усвоят три важных вещи.

Надо обладать терпением, чтобы дождаться той верной минуты, когда пора действовать.

Надо обладать мудростью, чтобы не пропустить благопри-

ятной возможности.

И – гордиться своими шрамами.

Шрамы – суть знаки отличия, железом и огнем врезанные в тело, и враги, увидев их, в страхе понимают: перед ними испытанный боец. И часто избегают схватки и начинают переговоры.

Шрамы говорят громче, нежели клинок, который их оставляет.

– Теперь опиши нам тех, кто потерпел поражение, – попросил какой-то купец, когда Копт замолчал.

И тот ответил так:

– Не следует путать потерпевших поражение с побежденными.

Поражение в битве или даже в войне ничего не значит. Признать себя побежденным – значит прекратить борьбу.

Проигравший бой или кампанию не достиг того, что было столь желанно. Побежденный теряет способность мечтать. Девиз его отныне: «Ничего не желай – не будешь страдать».

Проигрыш забывается, когда мы вступаем в новый бой. Поражение конца не имеет – это жизненный выбор.

Проигрыш – это для тех, кто, одолевая страх, живет с надеждой и воодушевлением.

Проигрыш – удел отважных. Только им дана честь проиграть и радость выиграть.

Я не стану говорить здесь, что проигрыш – неотъемлемая часть жизни: все вы и так это знаете. Только проигравшие могут познать Любовь. Ибо именно на поле любви ведем мы свои первые бои – и, как правило, проигрываем их.

Я скажу, что есть на свете люди, не знающие, что такое проигрыш.

Это – те, кто никогда ни за что не борется.

На них нет ни единого шрама, они умудрились избегнуть унижений и чувства беспомощности, а также мгновений, когда даже воин сомневается в существовании Бога.

Они с гордостью произносят: «Я никогда не проигрывал». Но они не смогут сказать: «Я выиграл битву».

Правда, им нет до этого дела. Они живут в мире, в котором, как им кажется, они неуязвимы, они закрывают глаза на несправедливости и страдания и чувствуют себя уверенно, потому что избавлены от необходимости принимать ежедневные вызовы, неизбежные для тех, кто рискует выйти за собственные границы.

Они никогда не слышали «Прощай». Но для них никогда не прозвучат и слова: «Я вернулась. Обними меня и познай вкус утраченного и обретенного вновь».

Не ведающие проигрыша на первый взгляд кажутся счастливыми людьми, стоящими выше остальных, обладателями истины, ради которой, впрочем, пальцем о палец не ударят. Они всегда на стороне сильного. Они подобны гиенам, подыдающим за львом.

Они учат своих детей: «Не ввязывайтесь в распри, иначе проиграете. Таите про себя свои сомнения – и у вас не будет неприятностей. Если кто-то задел вас – не показывайте виду, что обижены, и не унижайтесь до ответного удара. Есть в жизни кое-что поважней».

В ночной тишине ведут они свои воображаемые битвы: перебирают в памяти мечты, которые не решились осуществить, несправедливости, которых якобы не заметили, малодушие, которое умудрились скрыть от всех – да только не от самих себя, – любовь, которая с горящими очами пересекла некогда их путь, любовь, что была дарована им Богом и которую они не осмелились принять.

И они обещают себе: «Завтра все будет иначе».

Но приходит завтра, а с ним и вопрос, вгоняющий их в ступор: «А что если все пойдет не так?»

И они ничего не предпринимают.

Горе тем, кто никогда не был побежден! В этой жизни не быть им и победителями!

– Расскажи нам про одиночество, – попросила девушка, которая собиралась замуж за сына одного из самых богатых горожан, а ныне вынуждена была бежать из города.

И Копт ответил:

– Не будь одиночества, Любовь недолго оставалась бы с тобой.

Потому что и Любви нужна бывает передышка, чтобы по-
странствовать в небесах, выражая себя в иных проявлениях.

Не будь одиночества, не выжило бы ни одно растение и
животное; земля не может родить непрестанно; ребенок не
мог бы познавать жизнь вокруг себя, художник – творить, и
никакой труд не стал бы расти и развиваться.

Одиночество – это не отсутствие Любви, но добавление к
ней.

Одиночество – это не отсутствие общества, а тот миг, ко-
гда душа обретает свободу говорить с тобой и помогает при-
нять решение, как жить дальше.

И потому – благо тем, кто не боится одиночества. Пусть не
страшатся они остаться наедине с собой, пусть не отчаются
они, отыскивая, чем развлечь себя или занять свои помыслы.

Ибо тот, кто никогда не остается один, себя не познает.

А того, кто не знает себя, вскоре начинает страшить пу-
стота.

Но пустоты не существует. В нашей душе таится огром-
ный мир, ожидая, когда мы его обнаружим. Вот он, во всей
своей нетронутой силе – но он так непривычен и могуще-
ствен, что мы боимся признать его существование.

А дело в том, что стоит лишь понять, кто мы такие на са-
мом деле, как придется признать: мы можем зайти куда даль-
ше, чем привыкли думать. И это нас пугает. Лучше не рис-
ковать, тем паче что всегда ведь можно сказать: «Я не сделал
что следовало, потому что мне помешали».

Так удобней. Так надежней. Так спокойней. Но считать так – значит отречься от собственной жизни.

Горе тем, кто избрал для себя удел всю жизнь повторять: «Мне не представилось возможности».

Ибо с каждым прожитым днем все глубже будут погружаться они в колодец самоограничений, и придет время, когда у них не останется сил выкарабкаться из него и вновь увидеть ясный свет, сияющий над головой.

И благо тем, кто говорит: «Мне не хватило отваги».

Ибо они-то сознают, что вина лежит не на других. И рано или поздно обретут веру, без которой не познать одиночество и его тайны.

А для тех, кто не испугался тайн, которыми ведает одиночество, все на свете обретет иной смысл и вкус.

В одиночестве они обнаружат любовь – ведь бывает так, что она уже пришла, а ее не замечаешь. В одиночестве можно понять и простить и ту, которая ушла.

В одиночестве они научатся решать, стоит ли просить, чтобы она вернулась, или им обоим лучше идти новыми путями.

В одиночестве они поймут, что слово «нет» не всегда произносится по недостатку великодушия, и что говорить «да» – не всегда добродетельно.

Те, кто привык к одиночеству, не устроятся шепота беса: «Ты зря теряешь время».

Или еще более страшных слов того, кто начальствует над

всеми бесами: «Ты никому не нужен».

Божественная Энергия слышит нас, когда мы говорим с другими, но и когда мы безмолвно приемлем одиночество – приемлем как благодать.

В такие минуты Ее свет озаряет все вокруг, позволяя нам увидеть, до какой степени мы необходимы и как преобразует всю Ее работу наше присутствие здесь, на земле.

И достигая такой гармонии, мы получаем больше, чем просили.

Тем же, кого гнетет одиночество, следует помнить: самые важные мгновения жизни человек встречает в одиночку.

Подобно новорожденному младенцу, выходящему из ло-на матери: сколько бы людей ни стояло вокруг, окончательное решение жить принимает он и только он.

Подобно художнику, завершающему свое произведение: чтобы оно было по-настоящему прекрасно, он в безмолвии и спокойствии должен внимать лишь языку ангелов.

Подобно каждому из нас, предстающему однажды перед смертью, перед Незваной Гостьей, – в самый важный и самый страшный миг нашей жизни мы остаемся одни.

И если Любовь есть условие бытия Божьего, то одиночество – это условие человеческого существования. То и другое мирно уживаются в душе того, кто постиг чудо жизни.

И юноша, которому назначено было покинуть город, разорвал на себе одежды и сказал так:

– Отчизна считает, что я не гожусь для битвы. Я бесполезен.

Копт ответил:

– Иные говорят: «Я не способен внушить людям любовь к себе». Но ведь в любви безответной всегда таится надежда на то, что когда-нибудь она будет принята.

А иные пишут в своих дневниках: «Мой гений не признан, мой талант не оценен, мои мечты не встречают уважения». Но и для таких остается надежда, что после длительной и тяжелой борьбы все переменится.

А еще иные обивают пороги, стучатся во все двери, объясняя: «Я остался без работы». И ведь знают, что если вооружатся терпением, двери перед ними откроются.

Но есть и те, кто каждое утро просыпается со стесненным сердцем. И они не ищут любви, признания, работы.

Они твердят себе: «Я – никчемный. И живу, потому что должен выживать, но никому, никому в целом свете нет до меня никакого дела».

В окошко светит солнце, они окружены семьей, и им приходится натягивать личину радости, потому что в глазах других они получили то, чего хотели. Но сами убеждены, что все могут обойтись без них. Либо потому, что еще слишком молоды и видят, что у старших – свои заботы, либо потому, что уже состарились и полагают, что молодые пропустят их

слова мимо ушей.

Поэт выводит несколько строк и тотчас рвет написанное, восклицая: «Это никому не нужно!»

Работник день за днем делает одно и то же. Он уверен, что если его уволят, никто даже не заметит его исчезновения.

Девушка шьет себе платье, вкладывая огромный труд в самомалейшую мелочь, а когда приходит на праздник, будто читает в глазах других людей: ты не лучше и не хуже любой другой девушки на свете, а твое платье – одно из миллионов платьев, и во всем мире в эту минуту происходят подобные празднества, – и в роскошных дворцах, и в бедных деревушках, где все друг друга знают и не стесняются вслух оценивать наряды всех гостей.

Все и всех, – а вот мой наряд остался незамеченным, думает девушка. Мое платье не красиво и не уродливо, просто еще одно платье, и все.

И напрасно она старалась.

Молодые сознают, что мир полон проблем, и рвутся решать их, но никого не интересуется их мнение. «Вы еще не знаете, как оно на самом деле, – слышат они. – Слушайте старших и тогда поймете, как поступать».

А старшие обрели опыт и зрелость, прошли суровую школу житейских невзгод, но когда приходит время учить, обнаруживается, что их опыт никому не нужен. «Мир стал иным, – слышат они. – Надо идти в ногу со временем и прислушиваться к мнению молодых».

Без снисхождения к преклонным летам, без зова и спроса приходит и начинает разъедать душу чувство своей бесполезности. «Ты никому не интересен, – твердит оно, – ты – никто, мир не нуждается в твоём пребывании здесь».

В отчаянной попытке придать жизни смысл, многие обращаются к вере, потому что борьба во имя ее все оправдывает и способна преобразовать мир. «Мы трудимся во имя Господа», – говорят они себе.

И превращаются в святош. А потом – в миссионеров. И наконец – в фанатиков.

И не понимают, что религия существует не для того, чтобы подавлять и обращать, а чтобы сообща молиться и дивиться чуду. А величайшее проявление сотворенного Богом чуда – это жизнь.

Нынче ночью я восплачу о тебе, Иерусалим, ибо такое понимание Божественного Единства вот-вот покинет тебя на целую тысячу лет.

Спросите цветок полевой: «Скажи, ты чувствуешь себя ненужным? Ведь ты не делаешь ничего, лишь из года в год распускаешь одни и те же бутоны».

И он ответит: «Я – красив, а красота сама по себе дает право на существование».

Спросите реку: «Скажи, ты ощущаешь свою никчемность? Ведь ты лишь течешь, и всегда в одном направлении».

И она ответит: «Я и не стараюсь быть полезной, я просто

река».

В глазах Господа нет на этом свете ничего бесполезного. Ни листок, сорвавшийся с ветки, ни волосок, упавший с головы, ни комар, что досаждал человеку и был им прихлопнут. У всего на свете есть право на жизнь.

И у тебя, задавшего мне этот вопрос, – тоже. «Я бесполезен» – вот ответ, который ты дал себе самому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.